

pocket**book**

Зельда Фицджеральд

Спаси меня, вальс

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф66

Zelda Sayre Fitzgerald
SAVE ME THE WALTZ

Перевод с английского *Людмилы Володарской*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке:

© GraphicaArtis / Bridgeman Images / Fotodom.ru

Ф66 **Фицджеральд, Зельда.**
Спаси меня, вальс / Зельда Фицджеральд ;
[пер. с англ. Л. Володарской]. — Москва : Эксмо,
2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-099915-6

«Спаси меня, вальс» — единственный роман знаменитой Зельды Фицджеральд, отличающийся яркой образностью и очевидными автобиографическими аналогиями. Зельда писала о том, что хорошо знала сама, — о двадцатых годах двадцатого века, «эпохе джаза» и «потерянного поколения», когда люди ее круга сначала стремились преодолеть будничную рутину, а потом скуку нескончаемого веселья.

На фоне артистических кругов Нью-Йорка и Парижа иногда абсолютно точно, а иногда с точностью до наоборот отображена жизнь легендарной четы и, словно на авансцене, любит, мучается, набирается мудрости легкомысленная и взбалмошная красавица Алабама Найт. Тяжелое балетное искусство, описанное детально и реалистично, помогает ей обрести мир в душе и найти себя.

Пронзительная книга о потерянной жизни, но не выдуманного персонажа, а живой женщины.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Володарская Л.И., перевод на русский язык.
Наследник, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099915-6

От переводчика

Я влюблен в ураган... Но я влюблен!

Я люблю ее, я люблю ее, я ее люблю!

Ф. С. Фицджеральд. Дневник

Зельда Фицджеральд (1900–1947), жена Фрэнсиса Скотта Фицджеральда (с 1920 г.), родилась в небольшом южном городе Монтгомери, штат Алабама. Она была шестым ребенком в семье, и назвали девочку в честь цыганки из романа, который во время беременности читала ее немного взбалмошная мать. Словно оправдывая свое необычное имя, Зельда никогда не была тихой, застенчивой, скромной, добропорядочной южанкой, словом, она не была и не хотела быть как все. Своевольная девушка наверняка вызывала ужас у соседей, но она была красивой, на редкость раскрепощенной, в ней бурлила кровь, и вокруг нее толпой вились юноши и мужчины из располагавшегося рядом военного лагеря. При этом она была практичной и не собиралась вести нищенскую жизнь, даже ради брака по любви. И Фрэнсису Скотту Фицджеральду, бросившему университет ради армии и армию то ли ради Зельды, то ли ради писательства, то ли ради Зельды и писательства вместе, пришлось ехать домой и засесть за роман, начатый еще в колледже, который получил название «По эту сторону рая» (1920). Как говорится, наутро после выхода книги в свет

Ф. С. Фицджеральд проснулся богатым и знаменитым и помчался к возлюбленной — снова предлагать ей руку и сердце. Не скучавшая в его отсутствие, однако пока еще свободная, Зельда с готовностью приняла предложение, родители тоже больше возражать не стали, и молодые зажили в соответствии с начинавшимся новым временем, в котором они изо всех сил стремились стать самыми модными, самыми успешными, самыми узнаваемыми.

Двадцатые годы двадцатого века в Америке называют временем джаза, в Европе — временем потерянного поколения. Послевоенная молодежь не желала повторять жизненный путь своих родителей, осознав, что в их мире не было ничего такого, за что стоило бы держаться, раз в нем случилась кровопролитная война. Из этого постулата молодые мужчины и женщины сделали главный вывод: война может повториться, и нельзя откладывать на завтра удовольствия, которым можно предаться немедленно. Молодым людям не было дела до морали и условностей, коли они не спасали от войны и смерти! Для них не существовало ничего стабильного, что помогало бы удерживаться в рамках здравого смысла и не гнаться безостановочно за нарочитой экстравагантностью, сметая на своем пути не только внешние, но и внутренние устои, что, к несчастью, приводило к страшным зависимостям, истощавшим и талант, и здоровье, и кошелек. Для Фицджеральдов это было веселье без удержу и напоказ, потому что все происходившее с ними тотчас попадало или в газеты, или по крайней мере в городской фольклор. Они были первыми в умении эпатировать и постоянно оставаться на

виду. Наверное, поначалу им это нравилось, потом, судя по всему, нравиться перестало — захотелось больше творчества и меньше шума, но добровольно выскочить из затянувшей круговерти не удалось.

Соперничая со знаменитым мужем, женские образы которого списаны с нее и ее прославили, Зельда пыталась рисовать, писать, занималась танцами. В 1930 г., когда с ней случился первый приступ болезни, она написала три рассказа и балетное либретто, а за шесть недель в январе — феврале 1932 года — роман «Спаси меня, вальс», как известно, «на зависть» мужу, который к этому времени уже пять лет работал над романом «Ночь нежна». Однако потом она еще примерно три месяца, до середины мая, вносила в текст и существенные, и мелкие поправки.

Роман «Спаси меня, вальс», несомненно, в большой степени автобиографический, но это не автобиография, в меньшей степени он документальный, но это и не документальная проза. На самом деле Зельда, используя события из собственной биографии, атмосферу реальной эпохи и фантазии о возможном варианте своей жизни, предприняла попытку осмыслить взаимоотношения женщины и того времени. На фоне жизни артистических кругов Нью-Йорка и Парижа после Первой мировой войны иногда абсолютно точно, а иногда с точностью до наоборот (особенно в последней части романа) отображена жизнь легендарной четы, и, словно на авансцене, любит, мучается, набирается мудрости мятущаяся американка из южного штата. Зельде Фицджеральд удалось со-

здать, как мне кажется, самый удачный женский литературный автопортрет в истории американской литературы, который, не исключено, повлиял на Маргарет Митчелл, когда она создавала свою знаменитую южанку Скарлетт О'Хару.

О романе «Спаси меня, вальс» довольно много спорят в западной критике, выясняя, насколько самостоятельно творение Зельды Фицджеральд. Не утихают бесконечные дискуссии о том, какую роль сыграл Ф. С. Фицджеральд в «доводке» единственного романа своей жены. Надо сказать, что сохранилось кое-что из его переписки на сей счет, причем переписки в высшей степени противоречивой. То ему нравится роман, и он считает его настоящей удачей Зельды, то вдруг высказывается категорически против его художественных достоинств. Известно его утверждение, что все изменения, внесенные в текст по требованию издательства, были сделаны исключительно самой Зельдой Фицджеральд. Правда, он оговаривает и то, что давал ей советы. Но, с другой стороны, ходят слухи, что и она давала ему советы...

Мне привелось перевести несколько рассказов самого Фицджеральда, и конечно же, я внимательно читала его прозу. Перечитывала его и в последнее время, поддавшись желанию найти ответ на возникающий у всех вопрос: был он соавтором своей жены или не был? Должна сказать, что эти два прозаика говорят как будто на разных языках, используют разную лексику, да и способы построения фразы и ее энергетическое наполнение у них совершенно разные. Несомненно, что роман «Спаси меня, вальс» из числа так называемых первых ро-

манов начинающих авторов, которые вкладывают в эти романы *весь* свой жизненный опыт, как правило, перенасыщая их информацией и эмоциями в ущерб остальным компонентам. Скорее всего роль опытного Ф. С. Фицджеральда в редактировании этого произведения как раз и заключалась в том, чтобы предостеречь Зельду от этой ошибки.

Зато выправить положение с главным героем романа ему не очень-то удалось, и художник Дэвид Найт, муж Алабамы, очень бледный персонаж, по собственному определению Фицджеральда, и в общем-то, он не стал живее, выразительнее, глубже в окончательном варианте, во всяком случае, не стал ровень с Алабамой и даже с некоторыми второстепенными персонажами после редактуры, хотя у Зельды, судя по всему, было желание не только изобразить своего мужа, но и сделать его образ как можно более привлекательным (наверное, в этом состояла ее ошибка). Подобно многим первым романам, «Спаси меня, вальс» перегружен языковыми «украшениями», а также не очень-то известными широкой публике понятиями... Как говорится, «словечка в простоте не скажут».

Как бы то ни было, и сегодня роман Зельды Фицджеральд востребован, его постоянно перепечатывают, он находит все новых читателей и почитателей. А несчастливая счастливица Зельда Фицджеральд, не сумевшая обрести покой в собственной жизни, все же подарила его своему литературному отражению — Алабаме Найт.

Посвящается Милдред Сквайерс

Если когда-либо горя нависшего
Черную тучу вы мощно развеяли —
Боги родные, придите и ныне!¹

Софокл. Царь Эдип

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

— **О**х уж эти девчонки, — говорили в округе, —
творят невесть что, будто им всё нипочем.

А нипочем потому, что девчонки верили в своего надежного отца. Для них он был как живая крепость. Большинство людей выигрывают жизненные битвы с помощью компромиссов, возводят неприступные башни благодаря смиренному здравомыслию, строят философские мосты из отречения от эмоций и из ожогов, достающихся мародерам от бурлящего кипятка незрелых чувств. В своих воззрениях Судья Беггс укрепился, будучи еще очень молодым: его башни и часовни сооружались из интеллектуального материала. Насколько было известно его близким, он не оставил ни одной тропинки, и к его крепости не могли подойти ни приятель-пастух, ни воинственный барон. Однако именно эта неприступность обернулась брешью в его блистательном облике, и это, возможно, не позволило ему стать значительной фигурой в национальной политике. То, что в штате милостиво

¹ Перевод Ф. Зелинского.

принимали его превосходство, помешало детям приложить необходимые усилия для создания собственных цитаделей. В жизненном цикле поколений достаточно одного господина, способного поднять их существование над бедами и болезнями, обеспечив выживание потомству этого господина.

Один сильный человек может стать подпоркой для многих, отбирая для своих чад такие пожертвования в натурфилософию, которые обретали для его семьи видимость некоей цели. Когда дети из семьи Беггсов научились принимать насущно необходимые перемены своего времени, проклятый старик¹ уже уселся им на шею. Прихрамывая от тяжести, они вцепились в крепостные башни своих пращуров, обнесли забором свое духовное наследство — которого могло бы остаться больше, если бы они подготовили соответствующее хранилище.

Школьная подружка Милли Беггс говорила, что в жизни не видала более беспокойных младенцев. Если им что-то приспичивало, Милли либо сама выполняла их требования, либо звала врача, чтобы он обуздал жестокий мир, который был недостаточно хорош для ее исключительных деток. Немного получив от отца, Остин Беггс работал день и ночь в лаборатории своего мозга, чтобы ни в чем не отказывать семье. Волей-неволей Милли приходилось самой в три часа ночи брать на руки малышей и тихонько петь им или трясти погремушками, чтобы происхождение «Кодекса Наполеона»

¹ Имеются в виду искусственные цели. Намек на старика, усевшегося обманом на шею Синдбада-Морехода, и тот никак не мог скинуть этого мучителя. (См. арабские сказки «Тысяча и одна ночь».) — *Здесь и далее примеч. пер.*

не улетучилось из головы ее мужа. А он говаривал без тени улыбки: «Я возведу для себя крепостной вал с колючей проволокой наверху и пуцу вокруг диких зверей, чтобы никого из этих хулиганок не видеть и не слышать».

Остин любил девочек Милли с беспристрастной нежностью, анализируя свои чувства, как это свойственно мужчинам, занимающим высокое положение, если они имеют дело с напоминанием о своей юности, с памятью о далеком прошлом, когда они еще предпочитали набираться опыта, а не стали творением обретенных житейских познаний. Что это значит, легко понять, уловив сердечные ноты в бетховенской «Весенней» сонате. Наверное, Остин был бы ближе к семье, не похорони он единственного сына, совсем еще маленького. Уйдя в неистовое оплакивание своей потери, Судья как будто бежал от разочарования. Мужчинам и женщинам дано разделить поровну лишь финансовые трудности, однако как раз именно их Судья и взвалил на Милли. Швырнув ей на колени счет за похороны мальчика, он крикнул душераздирающе: «Ради Бога, как, по-твоему, я смогу это оплатить?!»

Никогда особенно не приближавшаяся к реальной жизни, Милли не сумела примирить эту мужскую жестокость со своим представлением о справедливости и благородстве. С тех пор она больше не пыталась составить объективное суждение о людях, но, замечая в первую очередь все их несовершенства, она все же заставила себя быть преданной им и таким образом достигла едва ли не ангельской гармонии в своей жизни.

— Возможно, у меня плохие дети, — сказала она как-то подруге, — но я этого не замечаю.

Накопленные представления о непримиримых противоречиях в характере человека научили Милли мысленно переключаться, этот трюк она освоила после рождения последнего ребенка. Когда Остин, впадая в ярость из-за косности современной цивилизации, метал над ее терпеливой головкой громы и молнии своего разочарования, неверия в человечество и денежных затруднений, она тут же переносила возникшее раздражение на простуду Джоанны или вывихнутую лодыжку Дикси, преодолевая все жизненные невзгоды с блаженной скорбью греческого хора.

Оказавшись перед лицом реальной нищеты, Милли погрузилась в стоический непоколебимый оптимизм, отчего сделалась недостижимой для бед, преследовавших ее до самой старости.

Взращенная мистическим духом негритянских мамок, семья, как наседка, холила и опекала девочек. Когда же они стали взростеть, из-за скандалов по поводу каждого истраченного без спросу лишнего цента, трамвайной поездки на природу, пакетика мятных лепешек, Судья стал для них карающим органом, неумолимой Судьбой, могущественным законом, установленным порядком, дисциплиной. Молодость и старость: гидравлический фуникулер, с возрастом теряющий силу напора, но не желающий сдаваться. Повзрослевшие девочки искали у матери передышки от нотаций по поводу их девичьих капризов, как искали бы тенистую рощу, чтобы спастись от ослепительного света.

Скрипит крыльцо, светящийся жук с яростью поворачивает к цветкам клематиса, насекомые роем устремляются к золотистым гибельным светильникам в холле. Тени влажно касаются южной ночи, будто тяжелые мокрые швабры, возвращая ей жаркую черноту. Меланхоличный луноцвет выставляет темные жадные лапы над веревочными шпалерами.

— Расскажи, какой я была, — требует самая младшая дочь, прижимаясь к матери, чтобы ощутить ее близость.

— Ты была хорошей.

Девочке не хватало знаний про саму себя, ведь она родилась слишком поздно, когда из отношений родителей уже исчезли страсть и азарт и дочь уже не столько дочь, сколько некое отвлеченное понятие. А ей хотелось знать, какая она и на кого похожа, так как была слишком маленькой и еще не понимала, что она ни на кого не похожа и должна облечь свой скелет в то, что идет изнутри, как генерал, который может воссоздать битву, отмечая продвижения и отступления разноцветными булавами. К тому же ей было неведомо, что каждое из ее усилий помогало ей стать самой собой. То, что ее скупой отец способен лишь на ограничения, Алабама поняла гораздо позже.

— А я плакала по ночам? Кричала так, что ты и папа желали мне смерти?

— Чепуха! Все мои дети были замечательные.

— И бабушкины тоже?

— Думаю, да.

— А почему она прогнала дядю Кэла, когда он вернулся с Гражданской войны?

— Твоя бабушка была странной старой дамой.

— И Кэл был странным?

— Да. Когда он приехал, бабушка послала сказать Флоренс Фетер, мол, если она собирается ждать ее смерти, чтобы выйти замуж за Кэла, то пусть Фетеры имеют в виду: Беггсы имеют обыкновение жить долго.

— Она была очень богатой?

— Нет. Дело не в деньгах. Тогда Флоренс сказала, что с матерью Кэла может ужиться разве что дьявол.

— И Кэл не женился на ней?

— Нет. Бабушки всегда умеют настоять на своем.

Мама засмеялась — это был смех барышника, который рассказывает о своих удачах, как бы извиняясь за скопидомство, смех одного из членов семьи-победительницы, которая в вечном соперничестве одержала верх над другой семьей-победительницей.

— Будь я дядей Кэлом, ни за что не потерпела бы такое, — возмутилась малышка. — Я бы сделала то, что хотела, с мисс Фетер.

Глубокий поставленный голос отца подчиняет тьму последним диминуэндо¹: пора спать.

Закрывая ставни, отец прячет некоторые особенности своего дома: и вот пронизанные солнечными лучами занавески с оборками начинают волноваться, складки колышутся, как косматая садовая изгородь, вокруг цветочков на ситце. В сумерках нет ни теней, ни искаженных очертаний мебели, зато комнаты становятся смутными серыми

¹ Постепенное ослабление силы звучания.